

СТАТЬИ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. Е. Мотылев

Конец XIX — начало XX века — это период быстрого назревания в России того противоречия, которое, по определению В. И. Ленина, глубже всего объясняет первую русскую революцию, — противоречия между самым отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом¹. Назревание этого противоречия неразрывно связано с ускорением промышленного развития в России в пореформенный период и в особенности в 90-х годах.

Развитие капитализма в пореформенной России тормозилось многочисленными пережитками крепостничества и шло медленнее, чем позволял тогдашний уровень техники и культуры. Господство в основных районах страны помещичьего хозяйства привело к развитию в сельском хозяйстве отработочной системы, которая тормозила агротехнический прогресс помещичьих и крестьянских хозяйств, ограничивала рынок сбыта сельскохозяйственных машин, удобрений и т. п., резко снижала покупательную способность крестьян на продукты промышленности. Чрезвычайно запутанным, полукрепостническим было крестьянское надельное землевладение; чересполосица, мелкополосица, трехполье и т. п. задерживали развитие производительных сил сельского хозяйства, что еще больше снижало покупательную способность крестьянства. На развитие производительных сил отрицательно действовала также тяжесть выкупных платежей и непомерных налогов. Все это вело к огромному аграрному перенаселению. Оно вызывало массовый приток обездоленных крестьян в города, давило на рынок труда, вело к понижению заработной платы. Низкий уровень заработной платы не только ограничивал покупательную способность рабочего населения (то есть емкость внутреннего рынка), но и задерживал приращение в промышленности машин, так как при дешевом наемном труде использование машин во многих производственных процессах являлось нерентабельным. В конечном счете замедлялся технический прогресс. Крепостнические пережитки были сильны и в самой промышленности — в целых районах страны (Урал), в ряде отраслей промышленности (сахарная и др.).

Все это не могло не замедлять роста промышленности. К тому же и сама политическая надстройка (царизм) оказывала задерживающее влияние на развитие экономического базиса.

Тем не менее развитие внутреннего рынка в первые пореформенные десятилетия создало условия для ускорения промышленного развития страны. На его рост оказывали влияние такие процессы, как разложение крестьянства, рост торгового земледелия, завершение промышленного переворота, развертывание железнодорожного строительства и т. д. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показывает, как значительны были те силы, которые вели в первые пореформенные десятилетия

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 406.

к развитию капитализма вширь и вглубь и делали возможным существенное расширение рынка для фабрично-заводской промышленности. Но после промышленного подъема 90-х годов уровень промышленного развития приходит во все более острое противоречие с указанными тормозящими условиями. Если в «Развитии капитализма в России»² и других работах, характеризующих капиталистическое развитие России в последние десятилетия XIX в., В. И. Ленин отмечал сравнительную быстроту этого развития, то в работах, посвященных периоду империализма, он писал о «чрепашней медленности» развития капитализма в России, о «застое и гниении»³.

Как писал В. И. Ленин, «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»⁴. И действительно, отмена крепостного права развязала силы капиталистического развития России, долго сдерживавшиеся крепостническим строем. После отмены крепостного права формирование кадров пролетариата, образование внутреннего рынка для крупной фабрично-заводской промышленности, процесс внутреннего капиталонакопления пошли с невиданной ранее быстротой.

Важной особенностью пореформенного развития является ускорение развития ряда отраслей тяжелой промышленности. Как известно, в дореформенной России добыча каменного угля и нефти была ничтожной, а выплавка чугуна и производство стали и железа оставались незначительными. В пореформенные десятилетия эти важнейшие отрасли тяжелой промышленности начали развиваться с особой быстротой.

В 1860 г. добыча угля составляла по всей стране 18,3 млн. пудов, а в 1900 г. достигла 986,7 млн. пудов, увеличившись, таким образом, за четыре десятилетия почти в 54 раза.

Добыча нефти измерялась в 60-х годах лишь сотнями тысяч пудов в год и только в 1870 г. достигла 1,8 млн. пудов. В 1900 г. она уже составила во всей стране 634 млн. пудов, увеличившись по отношению к 1870 г. (за три десятилетия) в 352 раза. Выплавка чугуна возросла с 19,6 млн. пудов в 1860 г. до 176,8 млн. пудов в 1900 г., то есть за четыре десятилетия в 9 раз⁵. Конечно, при незначительной исходной величине абсолютных цифр такой большой относительный рост не является достаточно показательным. Однако ускорение развития по сравнению с дореформенной эпохой он характеризует достаточно убедительно.

Быстро росло производство и в обрабатывающей промышленности. При увеличении продукции обрабатывающей промышленности в 1877—1897 гг. в 3,3 раза некоторые отрасли росли еще быстрее (пищевая, деревообрабатывающая, химическая и др.).

Ускорение общего промышленного развития России в пореформенный период оказывало многообразное влияние на назревание в ней предпосылок буржуазно-демократической революции. Значение этого роста было чрезвычайно усилено особенностями циклического развития России в конце XIX — начале XX века.

Промышленный подъем 90-х годов — явление знаменательное в экономической истории России. При увеличении всей промышленной продукции в стране за десятилетие в 2 раза продукция тяжелой промышленности увеличилась в 2,8 раза, а продукция легкой — в 1,6 раза⁶. Зна-

² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 428—429, 527.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 262.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95—96.

⁵ «Статистический ежегодник на 1913 год» Совета съездов представителей промышленности и торговли, стр. 130, 141, 165. В дальнейшем — «Статистический ежегодник».

⁶ Вычислено нами по данным В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза, опубликованным впервые в статье С. Г. Струмилина «Промышленные кризисы в России (1873—1907 гг.)» Журнал «Проблемы экономики», 1940, № 2.

чительный рост ряда отраслей тяжелой промышленности составляет самую важную особенность этого подъема. Добыча нефти за десятилетие увеличилась в 2,6 раза, каменного угля — в 2,7 раза, выплавка чугуна — в 3,2 раза, производство железа и стали — в 3,4 раза. Это заметно изменило структуру русской промышленности и состав рабочего класса.

Промышленный подъем 90-х годов был вызван закономерностями циклического развития, свойственными капитализму. До 90-х годов продолжительность и интенсивность циклических подъемов ограничивалась как медленностью перестройки сельского хозяйства, так и незначительностью железнодорожной сети. Но все же и в эти пореформенные десятилетия промышленное развитие заметно ускорилось, а к 90-м годам рост внутреннего рынка создал предпосылки для длительного и интенсивного циклического подъема.

Подъем в ряде отраслей тяжелой промышленности находился, несомненно, в тесной связи с огромным размахом железнодорожного строительства. Протяженность железнодорожных путей увеличилась за десятилетие на огромную величину — свыше 21 тыс. верст, в том числе на 15 тыс. верст во второй половине десятилетия. Число паровозов возросло почти вдвое, пассажирских вагонов — в два с лишним раза, товарных — в 2 раза⁷. Установление таможенным тарифом 1891 г. очень высоких пошлин на рельсы, паровозы, каменный уголь и т. п. резко снизило ввоз их из-за границы. Размещение железными дорогами огромных заказов на рельсы и подвижной состав создало рынок для ряда отраслей тяжелой промышленности России. Вздутые цены на эти заказы некоторое время способствовали особенно быстрому росту тяжелой промышленности.

Усиление железнодорожного строительства создавало расширяющийся рынок для черного металла, строительных материалов, паровозов, вагонов и т. п., а рост железнодорожной сети вел к более широким экономическим связям в стране, сближал отдаленные друг от друга районы, включал в товарооборот «медвежий уголь», то есть усиливал действие всех процессов образования внутреннего рынка. В частности, железнодорожное строительство 90-х годов связало ряд магистральных линий соединительными путями, превратив их в подлинную железнодорожную сеть; затем впервые были соединены железнодорожными путями Европейская и Азиатская Россия (Закаспийская и Сибирская железные дороги). Все это способствовало интенсивному промышленному подъему. Усиливая проявление циклической закономерности, железнодорожное строительство само развивалось циклически, так как размеры капиталовложений в него зависели от хода циклического развития капитализма.

Протекционистский таможенный тариф 1891 г., которому буржуазные авторы приписывали благотворную, иногда даже решающую роль в промышленном подъеме 90-х годов, на самом деле оказывал двойственное влияние. Он расширял железнодорожные и прочие заказы на отечественную продукцию, но, с другой стороны, вызвав рост цен, ограничивал покупательную способность населения. Это отрицательно сказалось на дальнейшем течении цикла.

Противоречивое влияние на промышленное развитие России оказывало вовлечение страны в мировое капиталистическое хозяйство. Рост экспорта и расширение кредитных связей способствовали подъему русской промышленности. Этому содействовала и денежная реформа 1895—1897 гг., создавшая «нормальную» валютную базу для внешних экономических связей России. Однако надо учесть, что форсирование экспорта на основе политики «не доедем, а вывезем», осуществлявшейся министром финансов Вышнеградским и его преемником Витте, вело к столь беспощадному нажиму на налоговые и выкупные платежи, что покупательная способность деревни систематически ограничивалась.

⁷ «Статистический ежегодник на 1913 год», стр. 578.

Противоречивым оказывалось также влияние на промышленное развитие России прилива иностранных капиталов. 90-е годы — период значительного их притока в Россию. Этот приток особенно усилился после денежной реформы 1895—1897 годов. Общая сумма иностранных капиталов в основных капиталах акционерных торгово-промышленных предприятий и кредитных учреждений с 1890 по 1900 г. увеличилась со 186 млн. руб. до 762 млн. руб., а доля их — с 25% до 37%; в основных капиталах промышленности иностранные капиталы возросли со 114 млн. руб. до 628 млн. руб., а доля их — с 26% до 45%⁸. Вместе с облигационными капиталами иностранные капиталы в акционерных и паевых предприятиях лишь за период с 1895 г. по 1901 г. возросли почти в 4 раза — с 245 млн. руб. до 975 млн. руб.⁹. Особенно значительно возросла роль иностранных капиталов в горной промышленности: их удельный вес поднялся в ней в 1900 г. до 70%. Резко повысилась доля иностранных капиталов и в обработке металлов и в машиностроении. Иностранные капиталы притекали в концентрированных, значительных количествах, достаточных для создания крупных предприятий. Их приток ускорила развитие упомянутых отраслей.

Было бы, однако, неправильно недооценивать обратную сторону дела; во-первых, приток иностранных капиталов в тяжелую промышленность дал возможность иностранным капиталистическим группам оказать давление на направление развития тяжелой промышленности России, помешать развитию в ней ведущих отраслей машиностроения (станкостроения, тяжелого машиностроения и т. д.); во-вторых, огромные дивиденды, получаемые иностранным капиталом, вывозились за границу, что снижало темп капитала накопления внутри страны; в-третьих, иностранный капитал насаждал то хищническое направление в эксплуатации природных богатств России, которое придавало росту добывающей промышленности неустойчивый и ненадежный характер.

Стремительный подъем горной и металлургической промышленности Юга объяснялся не только притоком туда иностранного капитала, но и тем, что промышленность Юга, как отмечал В. И. Ленин, не знала «ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения»¹⁰. Отсутствие на Юге существенных пережитков докапиталистической старины создало на время возможность его стремительного подъема (на базе главным образом железнодорожных заказов). Впоследствии рост промышленности Юга натолкнулся на такое серьезное препятствие, как общая узость внутреннего рынка, обусловленная наличием пережитков крепостничества в основных частях страны.

Одной из особенностей промышленного подъема 90-х годов является факт сочетания сравнительно длительного и интенсивного подъема в промышленности с малоблагоприятными урожаями в сельском хозяйстве. Несмотря на катастрофический неурожай и голод 1891 г. и низкий урожай 1892 г., промышленность России очень слабо реагировала на очередной мировой экономический кризис 1890—1893 годов. В 1890—1891 гг. в России наблюдались лишь частичные и неглубокие кризисные явления в некоторых отраслях промышленности, не переросшие в общий экономический кризис. С 1892 г. начался почти непрерывный подъем промышленного производства. Правда, в 1893 г. валовой сбор хлебов достиг рекордного уровня этого десятилетия — 3 460 млн. пудов (в 64 губерниях Европейской России), но в последующие годы он колебался на

⁸ Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.-Л. 1931, стр. 17, 22—23. Данные об иностранных капиталах взяты автором этой книги из работы П. В. Оля «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России». Л. 1925, стр. 14.

⁹ П. В. Оля. Указ. соч., стр. 24.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 427.

сниженном уровне, а с 1897 г. началась полоса плохих или невысоких урожаев¹¹.

Роль сельского хозяйства в экономике страны была еще настолько преобладающей, что в отрыве от него длительный промышленный подъем был бы невозможен. Почему же эта полоса малоблагоприятных урожаев не помешала подъему в промышленности? Дело в том, что разложение крестьянства, развитие торгового земледелия и т. п.— процессы, происходившие в последние десятилетия в пореформенном сельском хозяйстве,— вели к столь значительному расширению внутреннего рынка, что их влияние нейтрализовало и большей частью перевешивало влияние неблагоприятных урожаев, тем более, что неурожай усиливали и ускоряли развитие этих процессов.

Зависимость промышленного подъема 90-х годов от общего хода капиталистического развития страны подтверждается тем, что кризис 1900—1903 гг. начался не с тяжелой промышленности, а с легкой, в первую очередь с хлопчатобумажной. Здесь уже в 1899 г. обнаружались трудности сбыта и началось падение оптовых цен. Так, на Нижегородской ярмарке 1899 г. фабриканты вынуждены были снизить цены на ситцы. Зимой 1899—1900 гг. в районах текстильной промышленности кризис бушевал с огромной силой. Он выражался в застое торговли, банкротствах, огромной безработице, чрезвычайном обострении нужды масс. Центральные и местные газеты уже с осени 1899 г. забили тревогу по поводу остроты кризиса и масштабов безработицы¹². Осенью же 1899 г. начались проявления кризиса в сахарной промышленности, в отраслях металлообрабатывающей промышленности, работавших на массовый потребительский рынок, и т. д. Вслед за тем в 1900 г. сказались явления кризиса в тяжелой промышленности, первоначально преимущественно в форме падения цен.

Буржуазные экономисты обычно подчеркивают ту особенность кризиса, что он не привел к существенному сокращению производства. Б. Ф. Брандт на этом основании решительно высказывался против «преувеличения тяжести кризиса». Впечатление о незначительности размеров сокращения производства создается при использовании лишь суммарных данных о стоимости всей продукции или продукции целых групп отраслей промышленности. Так, по данным В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза о движении стоимости продукции тяжелой и легкой промышленности, незначительное снижение продукции всей промышленности наблюдалось лишь в 1902 г. (с 2 272 млн. руб. в 1901 г. до 2 244 млн. руб.). По этим данным, в остальные годы кризиса можно заметить только замедление прироста. Однако если проследить движение продукции ряда важнейших отраслей промышленности, картина получится иная. В первой половине 1902 г. добыча угля в Донбассе упала, по нашему исчислению, на 14% против высшего уровня первой половины 1901 года. Выплавка чугуна стала снижаться с 1901 г. и в 1903 г. упала по отношению к 1900 г. на 16%. Падение добычи нефти началось в 1902 г., и в 1903 г. она снизилась по отношению к 1901 г. на 11%. Такое падение производства нельзя считать незначительным.

Степень сокращения производства, однако, не находилась в соответствии с глубиной и остротой кризиса, проявлявшейся в волне банкротств, в падении цен, в росте безработицы и нужды масс и т. д. Чем же объяснить это неравномерное и в большинстве отраслей сравнительно ограниченное сокращение производства в условиях столь глубокого кризиса, каким был кризис 1900—1903 годов?

¹¹ «Всепогоднейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1903 год», стр. 9. В данном случае, как и в последующих, страницы указываются по «всепогоднейшим докладам», отпечатанным в виде отдельных типографских оттисков.

¹² Сводку таких сообщений приводит М. Туган-Барановский во второй части своей работы «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Т. 1. М. 1938, стр. 286—291.

Во-первых, необходимо учесть разновременность вовлечения в кризис различных отраслей промышленности. В то время как ряд отраслей легкой промышленности переживал с наибольшей силой кризис в 1899—1900 гг., другие отрасли, в особенности главные отрасли тяжелой промышленности, еще продолжали расширять в эти годы производство. Немалую роль сыграли здесь железнодорожные и прочие заказы правительственных учреждений. Наоборот, к тому времени, когда в кризис были втянуты отрасли тяжелой промышленности, в ряде отраслей легкой низшая точка производства уже была пройдена. Такая разновременность проявления наиболее острой фазы кризиса в разных отраслях лишь удлиняла и затягивала его и вызванные им бедствия народных масс. В то же время это ослабляло сужение объема производства, так как отрасли, не вступившие еще в кризис или уже прошедшие его низшую точку падения производства, служили рынком для отраслей, переживавших кризис.

Во-вторых, в условиях кризиса шел мощный процесс концентрации производства¹³. Удары кризиса оказались особенно разрушительными для предприятий, слабых в финансовом, организационном, техническом отношении. Такие предприятия, не выдерживая сокрушительной силы кризиса, закрывались. В общем закрылось около 3 тыс. предприятий. Сохранились наиболее сильные, которые и в условиях резкого падения цен (а цены на многие товары снизились в два и больше раза) могли вести производство с прибылью или задерживать до поры до времени товары на складах. Так как большое сокращение числа конкурентов и падение цен сулило таким предприятиям расширение сбыта, то они старались сохранять — и даже по возможности расширять — свое производство в надежде вытеснить конкурентов. Поэтому о глубине и масштабах кризиса в сфере производства говорят часто не столько размеры самого производства, сколько движение действующих и бездействующих производственных единиц. Так, число действующих металлургических заводов за годы кризиса сократилось почти на пятую часть, а число действующих домен — почти на треть против 1900 года. Кризис выразился также в резком возрастании недогрузки производственных мощностей. Несмотря на то, что падение фактической добычи в Донбассе наступило в 1902 г., уже в 1901 г. она резко отставала от намечавшейся и в особенности от возможной.

В-третьих, если до кризиса в Россию ввозилось значительное количество угля, черного металла и т. д. из-за границы, то в годы кризиса отечественная продукция вытесняла на внутреннем рынке импортную. Резкое падение цен на внутреннем рынке сделало отечественную продукцию временно более конкурентоспособной и облегчало в годы кризиса вытеснение импортных товаров. Вместе с тем по настоянию крупнейших привилегированных акционерных обществ были введены ограничения для правительственных заказов за границей. По данным министерства финансов, в 1902 г. доля импорта упала до 10%¹⁴, в то время как в 1897—1899 гг. свыше 25% потребления страной черного металла, в переводе на чугун, покрывалось за счет импорта. Ввоз чугуна упал с 8,3 млн. пудов в 1899 г. до 1,1 млн. пудов в 1902 г., ввоз железа и стали соответственно — с 19 млн. пудов до 4,9 млн. пудов, ввоз машин — с 12,4 млн. пудов до 7,3 млн. пудов. Больше того, в годы кризиса заметно вырос вывоз чугуна из России: с 26 тыс. пудов в 1900 г. до 925 тыс. пудов в 1901 г. и 3,3 млн. пудов в 1902 году¹⁵. Что касается каменноугольной

¹³ По данным фабричной инспекции, число рабочих в среднем на фабрику составляло в 1901 г. 96, в 1902 г. — 102, в 1903 г. — 108, в 1904 г. — 113 («Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г.». СПб. 1907, стр. 11).

¹⁴ «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1903 год», стр. 18.

¹⁵ И. Гливиц. Железная промышленность России. СПб. 1911. Статистическое приложение, стр. 39, 40.

промышленности, то сокращение добычи здесь сдерживалось заменой древесного топлива каменным в связи с падением цен на каменный уголь.

В-четвертых, царское правительство не скупилось на помощь привилегированным крупнейшим акционерным обществам за счет народных средств, за счет налогоплательщиков.

Царское правительство, признав наличие кризиса, приступило к осуществлению различных мероприятий, направленных к смягчению его влияния на прибыли капиталистов. В ноябре 1899 г. Государственный банк перестал начислять по простым и условным текущим счетам проценты с целью вынудить собственников таких вкладов перевести свои средства в частные банки; таким мероприятием министерство финансов стремилось укрепить пошатнувшиеся позиции частных банков. В том же месяце Государственному банку было разрешено, в отступление от его устава, выдавать ссуды под негарантированные бумаги, расширить прием к переучету у частных банков ранее не принимавшихся видов векселей, продлить сроки принимаемых к переучету векселей с 3 до 8 месяцев. Вскоре на средства, предоставленные Государственным банком, был образован синдикат петербургских банков для покупки бумаг таких предприятий, положение которых считалось устойчивым, но бумаги которых падали в цене из-за отсутствия покупателей. В ряде случаев Государственный банк принимал на себя убытки обанкротившихся предприятий. Даже буржуазные авторы признавали, что такие мероприятия правительства «отсрочивали крах несостоятельных предприятий» и «затягивали только кризис»¹⁶.

Еще более показательны мероприятия царского правительства по размещению огромных новых заказов по вздутым ценам среди крупнейших предприятий, находившихся в привилегированном положении. С 1900 г. действовала особая правительственная комиссия, получившая полномочия определять порядок размещения казенных железнодорожных заказов. Было принято решение предоставлять заказы лишь тем заводам, которые выполняли их и раньше, то есть «избранной» горстке крупнейших предприятий. Заказы размещались и в счет потребности будущих лет, цены были повышены (несмотря на падение цен на металл) и установлены на трехлетие вперед. В счет размещенных заказов выдавались огромные авансы и ссуды¹⁷.

Все эти обстоятельства оказывали сдерживающее влияние на сокращение производства. Но они не могли устранить причин кризиса. Они лишь затягивали кризис и усиливали его отрицательные последствия для народных масс. Раскасывание перепроизводства затруднялось, что замедляло только выход из кризиса. В то же время кризис был использован капиталистами для повышения интенсивности и производительности труда, для сокращения числа рабочих и усиления наступления на занятых в промышленности.

В работах буржуазных экономистов, писавших о кризисе (Г. Е. Афанасьева, Б. Ф. Брандта, П. П. Мигулина, М. И. Туган-Барановского и др.), преуменьшалась его тяжесть для народных масс и замалчивались его истинные причины. Действительную природу кризиса и характер его последствий ярко вскрыл В. И. Ленин в статье «Уроки кризиса», опубликованной в «Искре» в августе 1901 года¹⁸. Ленин, в частности, подчеркнул, что в России кризис оказывает неизмеримо более сильное действие, чем в какой-либо другой стране, ибо к застою в промышленности здесь присоединяется голодовка крестьян.

¹⁶ П. П. Мигулин. Промышленный кризис в России. 1899—1901 гг. Журнал «Народное хозяйство», 1902, кн. 3-я, стр. 23.

¹⁷ Интересный материал по этому вопросу приведен в письме в редакцию журнала «Народное хозяйство». 1902, кн. 8-я.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 73—77.

Промышленный подъем 90-х годов привел к росту численности рабочего класса и внес существенные изменения в его состав, в характер и степень его концентрации в промышленных центрах и на крупных предприятиях, в условия его классово-борьбы и т. д. Как отмечал В. И. Ленин, с 1865 по 1890 г. число фабрично-заводских рабочих в Европейской России увеличилось на 65%, число горнорабочих — на 107%¹⁹. Общее число рабочих крупных капиталистических предприятий, включая железнодорожников, возросло за эти 25 лет в два с небольшим раза. В 90-х годах темп роста численности рабочих значительно ускорился: число фабрично-заводских рабочих за десятилетие увеличилось по всей стране на 69%, число горнозаводских рабочих — на 64%²⁰. К 1900 г. общее число рабочих в фабрично-заводской и горной промышленности, а также на железных дорогах выросло в Европейской России до 2,2 млн. чел., а по всей стране — до 2,8 млн. человек.

Весьма показательны изменения, которые произошли в отраслевом составе рабочего класса в промышленности. Если в 1890 г. на долю рабочих тяжелой промышленности приходилось 43% всех промышленных рабочих, то в 1900 г. их процент поднялся почти до 50. Особенно значительным был рост удельного веса горняков и металлистов. По данным 1897 г., в текстильной промышленности было занято 30,6% промышленного пролетариата, в горнозаводской (включая и металлургию) — 25,9%, в металлообрабатывающей — 10,2%, в пищевой — 12,2% и т. д.²¹. Таким образом, горняки и металлисты вместе составляли около 36% промышленного пролетариата. Их численность доходила до $\frac{3}{4}$ млн. человек. Преобразование горняков и металлистов в столь значительный отряд промышленного пролетариата имело большое социально-политическое значение.

Самой замечательной и важной особенностью развития рабочего класса в тот период являлась его все усиливавшаяся концентрация на крупных и крупнейших фабриках и заводах. По подсчетам, сделанным В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России», фабрики и заводы с числом рабочих свыше 99 или 100 концентрировали в 1879 г. 66,8% рабочих и 54,8% всей суммы производства, в 1894/95 г. — соответственно 74% и 70,8%. Итак, $\frac{3}{4}$ фабрично-заводских рабочих было сосредоточено на крупных и крупнейших предприятиях. Концентрация рабочих на крупных предприятиях горной промышленности была еще выше. Уже в 1890 г. 84,5% горнорабочих было сосредоточено на предприятиях со 100 и более рабочими, почти половина горнорабочих была занята на немногочисленных крупнейших предприятиях, имевших по 1000 и более рабочих²².

Данные о промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, показывают, что на предприятиях с числом рабочих больше 100 было сосредоточено в 1901 г. 75,6% всех рабочих, а с числом рабочих более 500 — 46,7%. Почти треть работала на предприятиях-гигантах с числом рабочих более 1000²³.

К. Маркс писал, что рабочий класс «обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства»²⁴. Несомненно, высокая степень концентрации рабочего класса в

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 434—435.

²⁰ Вычислено по данным «Статистического ежегодника на 1914 год», стр. 774.

²¹ См. «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год». СПб. 1900, стр. XXI.

²² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 448, 451, 452.

²³ См. «Статистический ежегодник на 1913 год», стр. 178. В эти данные не входят сведения о рабочих горной и горнозаводской промышленности, а также мелких предприятий.

²⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1953, стр. 766.

крупных и крупнейших предприятиях (которая сочеталась и с высокой концентрацией в промышленных центрах) чрезвычайно усиливала в России действие этого «механизма». Она облегчала рабочим России осознание своих классовых интересов и своей классовой силы и явилась одним из главных объективных факторов превращения рабочего класса России в революционной в мире пролетариат. Конечно, этот фактор действовал в союзе с остальными и смог бы быть в полной мере использован лишь под руководством революционной партии рабочего класса, партии большевиков.

Какое же влияние оказал на рабочий класс России торгово-промышленный кризис 1900—1903 годов?

Рассмотрим прежде всего движение в условиях кризиса числа занятых рабочих. Воспользуемся для этой цели одним из наиболее полных исчислений (в тыс.)²⁵.

Г о д ы	Общее число промышленных рабочих	В том числе горно-заводских рабочих
1900	2 624	715,5
1901	2 602	683,2
1902	2 528	626,9
1903	2 561	609,9
1904	2 526	599,3

Эти данные не выявляют всей глубины влияния кризиса на сокращение занятых рабочих. В силу отмеченной уже одновременности вовлечения в кризис различных отраслей промышленности сокращения коснулись в разное время гораздо более значительных масс рабочих. С особой силой кризис обрушился на горняков и металлистов. За годы кризиса на железных рудниках было уволено 30,6 тыс. рабочих, то есть более половины, на марганцевых рудниках — около 3 тыс., или почти половина рабочих, на металлургических заводах — 59 тыс., или около $\frac{1}{6}$ части рабочих. Если сложить число уволенных лишь на этих рудниках и заводах за годы кризиса, то оно составит около 93 тыс. человек²⁶. Во всех этих отраслях труд женщин использовался слабо, стало быть, увольнения коснулись прежде всего мужчин — основных кормильцев семей.

Влияние кризисных явлений на положение народных масс особенно обострялось в связи с неурожаем. На протяжении пяти лет подряд, начиная с 1897 г., в России были плохие или невысокие урожаи. В 1898 г. неурожай охватил центральные земледельческие, приволжские и приуральские губернии, где население, по признанию Витте, «было уже значительно ослаблено предыдущим недородом»²⁷. Недород хлебов составлял 60—70% против среднего, так что потребовался подвоз хлеба для питания и семян для посевов в эти «производящие» районы. По заявлению того же Витте, в 1901 г. потери крестьян от плохого урожая составили около 250 млн. руб. (по сравнению с данными при благоприятном урожае), а за последние 5 лет общая недовыручка крестьян достигла миллиарда рублей²⁸.

Полоса неурожая резко обострила аграрное перенаселение, вызвала прилив в города масс голодающих крестьян в поисках заработка. В таких условиях даже при относительно небольшом сокращении производства безработица катастрофически росла. Пользуясь этим, капиталисты усили-

²⁵ Подсчитано по данным, приведенным в «Статистическом ежегоднике на 1914 год», стр. 774.

²⁶ Вычислено нами по данным И. Гливица. (Указ, соч.) Статистическое приложение, стр. 29—31.

²⁷ «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1900 год», стр. 5—6.

²⁸ «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1902 год», стр. 15.

вали наступление на рабочий класс, ухудшая условия труда и снижая его оплату, стремились заменять сознательных кадровых рабочих обездоленными крестьянами. С 1902 г. урожай улучшились, но деревня медленно оправлялась от последствий длительных неурожаев. Влияние полосы неурожая на затягивание кризиса и его последствия сказывалось и в последующие годы.

Ленинская «Искра» в годы кризиса в заметках и корреспонденциях с мест описывала тот произвол, который позволяли себе капиталисты, их наступление на рабочий класс и страшное обнищание рабочих вследствие кризиса.

В ряде работ, посвященных рассматриваемому периоду, отмечается тот знаменательный факт, что в последние десятилетия XIX в. Россия по темпам своего промышленного развития (в процентном выражении, а в некоторых случаях и по абсолютной величине прироста) опережала развитые капиталистические страны. Необходимо прежде всего уточнить рамки и характер этого явления. Сопоставим темпы промышленного развития России с темпами роста промышленности в развитых капиталистических странах. Для этой цели воспользуемся прежде всего индексами развития обрабатывающей промышленности, опубликованными в свое время Лигой Наций в одной из изданных ее аппаратом монографий²⁹. Если сравнить индексы 1870 г. с индексами 1900 г., то оказывается, что за эти 30 лет продукция обрабатывающей промышленности России увеличилась в 4,5 раза, мировая — в 3 раза, США — в 4,1 раза, Германии — в 3,7 раза, Англии — в 1,7 раза, Франции — в 2 раза, Италии — в 3,3 раза. Таким образом, в последние три десятилетия XIX в. Россия по темпам относительного роста промышленности превзошла все указанные государства; лишь США в этом отношении приближались к ней. При этом следует, конечно, помнить, что меньший относительный рост может выражаться в гораздо большем абсолютном приросте.

В первое пятилетие XX в. в связи с особой глубиной в России экономического кризиса 1900—1903 гг. (а также обострением коренных противоречий русской экономики) превосходство темпов промышленного роста России вновь исчезает. За период 1900—1905 гг. продукция обрабатывающей промышленности увеличилась, по данным того же источника: во всем мире — на 26%, в США — на 45%, в Германии — на 24%, в Англии — на 7%, во Франции — на 6%, в Италии — на 30%, а в России — только на 5% (за 1900—1904 гг. — на 11%).

Показательно изменение удельного веса России в мировой обрабатывающей промышленности. К концу XIX в. он возрос с 3,7% в 1870 г. до 5% в 1896—1900 гг. и в первом десятилетии XX в. оставался на достигнутом уровне. Разрыв между удельным весом России, с одной стороны, и Англии и Франции — с другой, заметно ослабевал: в 1870 г. удельный вес Англии превышал удельный вес России в 8,6 раза, а к концу века — в 4 раза; удельный вес Франции был выше в 1870 г. в 2,8 раза, а к концу века — уже менее чем в полтора раза. Почти не изменилось соотношение с США и Германией. Исползованные нами здесь индексы едва ли точны, но тенденции развития в указанный период они, повидимому, отражают более или менее правильно.

Рассмотрим теперь абсолютные данные по важнейшим отраслям промышленности. Нефтяная промышленность России по темпам роста превосходила в этот период американскую, в результате чего происходило систематическое сближение абсолютных уровней. Уже в 1895 г. Россия по размерам добычи почти сравнялась с США, а в последующие годы значительно их опередила. Это видно из следующих цифр: с 1890 по 1899 г.

²⁹ «Industrialisation and Foreign Trade». League of Nations. 1945, p. 122—134, 13.

добыча нефти возросла в США с 359 млн. пудов до 391 млн. пудов, то есть на 9%, а в России — с 226 млн. пудов до 525 млн. пудов, то есть на 132%. Доля США в общей добыче обеих стран снизилась за это время с 61,3% до 42,7%, а доля России увеличилась с 38,7% до 57,3%³⁰. С 1899 по 1900 г. Россия занимала первое место в мировой добыче нефти (но в начале XX в. нефтяная промышленность США вновь опередила русскую).

Иная картина наблюдалась в каменноугольной промышленности. Хотя добыча каменного угля увеличилась с 1860 по 1900 г. в 54 раза, ничтожный ее размер в 1860 г. (18 млн. пудов) делал и такой темп недостаточным, чтобы преодолеть отставание России. Несмотря на то, что добыча угля возросла в России в 90-х годах в 2,3 раза, Россия попрежнему занимала по добыче угля седьмое место, находясь даже позади Австро-Венгрии и Бельгии. Правда, разрыв по показателям добычи с этими двумя государствами, а также с Францией сильно уменьшился, но все же оставался значительным. В 1899 г. в России было добыто 849 млн. пудов угля, в Бельгии — 1 338, в Австро-Венгрии — 2 200, в Германии — 8 292, в Англии — 13 645, в США — 13 946 млн. пудов.

Гораздо благоприятнее обстояло дело в черной металлургии. В 1860 г. выплавка чугуна в России составляла лишь около 20 млн. пудов, в 1890 г. она превысила уровень 1860 г. почти втрое, а в 1899 г. — в восемь с лишним раз. В 1890 г. Россия шла по размерам выплавки чугуна впереди Бельгии, но отставала еще в два раза от Франции. В 1899 г. Россия уже опередила Францию, заняв четвертое место в мире. Показательно, что в 1890—1899 гг. Россия в этой отрасли опередила по абсолютной величине прироста Францию и Англию. По производству железа и стали Россия продолжала еще отставать в 1899 г. от Франции и занимала пятое место в мире. В России в 1899 г. было произведено 107 млн. пудов железа и стали, а во Франции — 144, в Англии — 368, в Германии — 451, в США — 680 млн. пудов. Но по абсолютной величине прироста за десятилетие Россия значительно опередила Англию и шла на уровне Франции.

В. И. Ленин отмечал, что развитие горной промышленности в 90-х годах шло в России быстрее, чем в Западной Европе, отчасти даже быстрее, чем в США. Например, выплавка чугуна в России в 1886—1896 гг. утроилась. Во Франции удалось добиться такого роста за 28 лет, в США — за 23 года, в Англии — за 22 года, в Германии — за 12 лет³¹.

По количеству веретен в хлопчатобумажной промышленности Россия сильно отставала от развитых стран капитализма. Но и в этой отрасли рост был выше не только в относительном выражении, в процентах, но, по сравнению с Англией и Индией, и по величине абсолютного прироста. Прирост веретен за десятилетие составил в России 2 634, в Англии — 1 650, в Индии — 1 454. В период 1890—1900 гг. среднегодовой прирост числа веретен составлял в России 9,2%, потребления хлопка — также 9,2%.

Необходимо напомнить, что превосходство темпов развития стран молодого капитализма над темпами стран старого капитализма наблюдалось в истории нового времени неоднократно. Так, показательно, что Швеция в 1870—1900 гг. увеличила свое промышленное производство еще быстрее России — почти в 8 раз. В данном случае сказались те обстоятельства, что в Швеции не было столь крупных пережитков феодализма. Главными причинами временного превосходства темпов развития стран молодого капитализма является, во-первых, отсутствие в них давления старого основного капитала, старого промышленного аппарата, что облегчает им применение организационных и технических форм крупного производства, и, во-вторых, возможность использования ими опыта и уроков стран старого капитализма.

³⁰ Б. Ф. Брандт. Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России (1900—1902 гг.). Ч. II. СПб. 1904, стр. 21.

³¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 428—429

Следует также учесть, что при незначительном абсолютном объеме исходных величин превосходство темпов в процентном выражении не всегда является, по существу, большим. Так, каменноугольная промышленность России, несмотря на превосходство в процентном выражении темпов развития, осталась к концу века на седьмом месте в мире.

Наконец, — и это особенно важно — превосходство в последние десятилетия темпов промышленного роста России объяснялось конкретно-историческими условиями этого периода, отмеченными выше. К концу века действие этих факторов ослабевало. Но это не устраняет всей важности того, что временно в рассматриваемый период русская промышленность значительно выросла. С одной стороны, это подготовило переход к монополистической стадии капитализма, а с другой — обострило противоречие между высокоразвитой промышленностью и отсталым, аграрным строем страны.

И при таком росте промышленности отсталость России находила яркое выражение в огромном преобладании сельскохозяйственного населения над торгово-промышленным. По подсчетам Ленина, в 1897 г. из 125,6 млн. человек населения с сельским хозяйством было связано 93,7 млн., с промышленностью — 12,3 млн., с торговлей — 5 млн., с путями сообщения и сношений — 1,9 млн. человек³². Таким образом, с промышленностью было связано лишь около 10% населения, а с сельским хозяйством — почти 75%. В том же году процент городского населения составлял лишь 12,8. Хотя городское население росло в пореформенный период гораздо быстрее сельского, почти $\frac{9}{10}$ населения продолжало еще жить в сельских местностях. Ленин подчеркивал, с одной стороны, что «Россия — страна капиталистическая», а с другой, что она «еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии»³³.

Далее, хотя развитие машиностроительной промышленности в пореформенный период ускорилось, ее производство в количественном и в особенности в качественном отношении не удовлетворяло потребности внутреннего рынка. В 90-х годах почти треть внутреннего спроса удовлетворялась за счет ввоза из-за границы. В наиболее важных отраслях машиностроения — в станкостроении, моторостроении, тяжелом машиностроении и т. п. — Россия в этот период все более отставала от развитых капиталистических стран.

Отставание России находило особенно наглядное выражение в размерах промышленной продукции на душу населения, несмотря на некоторый рост промышленной продукции и в этом отношении. В приводимой таблице этот показатель представлен по трем характерным и важным видам продукции.

Продукция некоторых отраслей русской промышленности в среднем на душу населения (в пудах)³⁴

Годы	Добыча угля	Выплавка чугуна	Производство железа и стали
1885	2,4	0,3	0,3
1895	4,6	0,7	0,5
1905	7,9	1,2	0,8

В среднем на душу населения производство росло гораздо медленнее, нежели безотносительно к населению: если добыча угля поднялась за эти

³² См. там же, стр. 438—439

³³ Там же, стр. 490, 439.

³⁴ Вычислено на основании данных о количестве населения и величинах продукции, приведенных в «Статистическом ежегоднике на 1913 год», стр. 4, 130, 165, 166.

20 лет в 4,4 раза, то в среднем на душу населения она увеличилась в 3,3 раза; соответственно выплавка чугуна возросла в 5,4 и 4 раза, а производство железа и стали — в 4,3 и 3 раза. Чтобы преодолеть отсталость промышленного производства России на душу населения, требовались гораздо более быстрые темпы роста, но они были невозможны для страны с чрезвычайно сильными пережитками крепостничества.

Промышленный подъем конца XIX в. и кризис 1900—1903 гг. ускорили переход России к монополистическому капитализму. Концентрация производства приводила к монополии.

Кризис 1900—1903 гг. поднял концентрацию производства в России на еще более высокий уровень. Как отмечалось выше, предприятия с числом рабочих более 1000 (в отраслях, подведомственных фабричной инспекции) в 1901 г. концентрировали 30,9% всех рабочих. В 1901—1905 гг. на них работало уже 32,7%, а в 1906 г. — 36,2% общего числа рабочих³⁵. Высокий уровень концентрации производства объяснялся несколькими причинами. Остановимся на важнейших из них.

Во-первых, в России — в стране молодого капитализма — в подавляющем большинстве отраслей отсутствовало давление старого основного капитала. При отсутствии старого промышленного аппарата капиталистам было выгодно сразу применять те формы крупных предприятий, которые отвечали достигнутому уровню техники и организации соответствующего производства. При этом можно было использовать пример и опыт стран, раньше России вступивших на путь капиталистического развития.

Во-вторых, крупные, концентрированные размеры железнодорожных и прочих заказов правительства способствовали созданию крупнейших предприятий в отраслях тяжелой промышленности. Такие предприятия могли скорее и легче справиться с поставкой однородной, стандартной продукции. Вместе с тем самый масштаб заказов и их предоставление на определенный срок вперед, а также обеспечение крупных авансов и кредитов стимулировали создание крупных акционерных компаний с капиталами, достаточными для сооружения крупнейших предприятий.

В-третьих, капиталисты — русские и иностранные — стремились сочетать большие массы машин с большими массами живого труда. Низкий уровень заработной платы делал во многих процессах производства более выгодным применение человеческого труда, нежели машин. Это приводило к неравномерному использованию внутри предприятий современной техники, а вместе с тем — к огромной концентрации рабочей силы на крупных предприятиях. Иными словами, здесь сказывалось своеобразное влияние низкого органического состава капитала при одновременном использовании новейших организационных форм крупного производства. Поэтому концентрация рабочей силы была в промышленности России более высокой, чем концентрация производства.

В-четвертых, в ряде отраслей промышленности иностранный капитал прямо переносил в Россию организационные и — в меньшей мере — технические формы крупного производства. Иностранный капитал не всегда был заинтересован в применении в России новейших достижений техники, но всегда был заинтересован в применении современных организационных форм крупного производства ради получения максимальной прибыли, ради облегчения борьбы за господствующее положение в соответствующих отраслях (в целях вздувания цен и повышения нормы прибыли).

Наконец, в-пятых, в больших районах страны (например, на Урале) и в целых отраслях промышленности (сахарной и др.) слабое развитие мелких и средних предприятий в промышленности объяснялось, как отме-

³⁵ Вычислено на основании данных «Статистических ежегодников» на 1912 год, стр. 204—205 и на 1913 год, стр. 177—178.

чал В. И. Ленин, и отсутствием подлинной свободы промышленного предпринимательства в связи с наличием у крупных землевладельцев-промышленников всяких привилегий и преимуществ. Ленин далее указывал, что различие казенной промышленной статистикой фабрично-заводской и «кустарной» промышленности «обманывает сплошь да рядом наблюдателя насчет «необычайной концентрации» в России, заслоняя «необычайную» раздробленность тьмы мелких крестьянских предприятий»³⁶.

Наше объяснение процесса концентрации производства в России отличается в некоторых существенных моментах от объяснения, данного П. И. Лященко. Нам кажется, что П. И. Лященко преувеличивает в данном случае роль иностранного капитала³⁷. Ведь наиболее высокий уровень концентрации рабочей силы на крупных и крупнейших предприятиях наблюдался в России в хлопчатобумажной промышленности, где роль иностранного капитала отнюдь не была определяющей. Показательно, что чрезвычайно высокого уровня концентрации рабочей силы достигали чисто русские предприятия, развивавшиеся в основном самостоятельно. Да и вообще эта особенность возникла в русской промышленности еще до широкого притока иностранного капитала.

Монополии в России начали появляться в 80-х годах XIX в., первоначально преимущественно в форме картелей. Так, типичными картелями были конвенции проволочных и гвоздильных предпринимателей, возникшие в 1886—1887 гг.; они предусматривали лишь нормирование цен и условий продажи отдельных продуктов, не передавая сбыта общей контроле³⁸. Картелем было и возникшее в 1887 г. объединение сахарозаводчиков, несмотря на то, что оно вошло в историю под названием «сахарный синдикат»³⁹. Только после того, как участники первых картелей убедились на практике в непрочности и ненадежности в условиях России такой формы монополий, господствующей формой становятся синдикаты. В 90-х годах такой синдикат создали проволочно-гвоздильные предприниматели. В 1892 г. образовался экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков. Но хотя уже в 80—90-х годах имелся ряд гласных и негласных картелей и возникло несколько синдикатов, широкая полоса развития монополий, преимущественно синдикатов, началась с 1902 года. В этом сказались влияние кризиса 1900—1903 гг., усиления процесса концентрации производства, резкого падения цен, а также усиления классовой борьбы.

Наиболее значительное развитие синдикаты получили в 1902—1903 гг. в металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Помимо таких крупных и ведущих синдикатов этих отраслей, как «Продамет», «Трубопродажа», появились объединения по кованным и прокатным вилам (с участием австрийских и германских фирм), производителей жести для бакинской керосиновой промышленности и т. д. Возникли также объединения меднотрубных заводов, джутовых фабрик, зеркальных заводов, производителей серного колчедана, ниточный синдикат (международный),

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 42.

³⁷ См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. Госполитиздат. 1950, стр. 150—152.

³⁸ См. Устав конвенции железопрокатных, проволочных и гвоздильных фабрикантов 1886 г. в приложении к книге Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. М. 1910. В дореволюционной русской литературе картели в качестве особого вида монополий обычно не выделялись и отождествлялись с синдикатами. Отсюда недооценка роли картелей в России, проникшая, к сожалению, и в советскую литературу. На самом же деле в 80—90-х годах преобладали именно картели. При этом многие являлись тайными, неоформленными соглашениями о ценах, о едином фронте по отношению к рабочим и т. п.

³⁹ М. Я. Гефтер в содержательной статье о «сахарном синдикате» («Из истории монополистического капитализма в России», «Исторические записки», 1951, № 38), к сожалению, счел возможным обойти вопрос о формах сбыта и только мимоходом отметил, что централизации сбыта в форме постоянной конторы для продажи не имелось. Но это ведь означает, что «сахарный синдикат», по существу, являлся картелем!

петербургских фабрикантов полотна, варшавских фабрикантов ламп и т. д. и т. п.

По данным Л. Б. Кафенгауза, Г. Цыперовича⁴⁰ и др. авторов, до революции 1905 г. в России возникло более тридцати гласных монополий. Почему же в ней в отличие от других стран наибольшее значение получила синдикатская форма монополий? Как известно, участники картеля, вступая в соглашение по поводу условий отпуска товара, раздела областей сбыта, определения величины продукции, уровня цен и т. д., сохраняют право распоряжения своей производственной и сбытовой деятельностью. В условиях сравнительной узости внутреннего рынка в России и противоречивости интересов различных «национальных» групп капитала (русской, французской, немецкой и т. п.) такой вид монополии был часто слишком слабым «обручем» для ее участников. Слишком легким и соблазнительным являлось нарушение условий соглашений, в особенности тайное, закулисное. Кроме того, такой вид монополии не отвечал и интересам борьбы с таким зрелым рабочим классом, каким был пролетариат России. Что касается трестов, то образование их затруднялось на рассматриваемом этапе и узостью внутреннего рынка (тресты могут концентрировать и кооперировать производство на своих предприятиях и этим повышать их производственную мощность) и в особенности противоречивостью интересов различных «национальных» участников, не желавших сливать свою собственность с собственностью других национальных групп капитала.

Интересам капиталистов в России в условиях того времени больше всего отвечал синдикатский вид монополий. Передавая сбыт продукции центральной синдикатской конторе, синдикат разрывает непосредственную связь предприятий с рынком, с покупателями, облегчает контроль над соблюдением условий соглашения. Вместе с тем в условиях сравнительно узкого рынка он может легче проводить политику ограничения производства и вздувания цен. Он может также легче получать заказы от правительства и диктовать ему свои условия. Создание синдикатов и их деятельность облегчались в России и однотипностью предприятий по уровню технического оснащения, по характеру и качеству продукции. Наконец, — последнее по порядку, но не по значению — синдикатский вид монополии обеспечивал большую «организованность» капиталистов в борьбе против рабочего класса.

Ко времени революции 1905—1907 гг. переход России к монополистической стадии капитализма уже совершился. Помимо значительного развития монополий в промышленности, получили большое распространение монополии в банковом деле; шел процесс сращивания промышленных монополий с банковыми, образования финансового капитала⁴¹. Однако своеобразие развития империализма в России заключалось в том, что высокий уровень развития монополий и финансового капитала сочетался здесь с пережитками феодализма и связанными с этим специфическими

⁴⁰ Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. П. 1918. Данные этой работы неполны и неточны. Однако по периоду до революции 1905 г. новых работ по монополиям, к сожалению, не имеется.

⁴¹ По вопросу о финансовом капитале в России имеется ряд монографий советских авторов (И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского и др.), а также немало статей в журналах. Однако в этих работах не уделяется достаточного внимания исходному и определяющему признаку империализма — развитию промышленных монополий в России. Лишь в последние годы появился ряд работ по отдельным промышленным монополиям в России, преимущественно в топливной промышленности и черной металлургии (статьи М. Я. Гефтера и А. Л. Цукерника, монография Д. И. Шполянского, кандидатские диссертации П. В. Волобуева, П. А. Черепанова и др.). Процесс развития монополий в России освещается в «Истории народного хозяйства СССР» П. И. Лященко и в монографии П. А. Хромова. И все же наша новая литература о монополиях в России остается скудной; она рассматривает крайне ограниченное число монополий лишь в нескольких отраслях. Особенно плохо обстоит дело с освещением значительного периода в развитии монополий в России (до революции 1905—1907 гг.) и с анализом особенностей русских монополий.

военными особенностями. Российский империализм был военно-феодальным империализмом.

Отчетливая печать феодальных пережитков лежала даже на ряде самих монополий. Крупные землевладельцы-помещики в отраслях промышленности, связанных с земельной собственностью, превращались в крупных промышленников и оказывались руководящими участниками соответствующих монополий. Особенно ярко это выступало в сахарной промышленности, в которой среди крупных предпринимателей большую роль играла титулованная землевладельческая знать, близкая к верхам царского двора и правительства (граф Бобринский и др.). Не удивительно, что царское правительство с особой готовностью пошло на поводу у сахарозаводчиков, оказав им прямую государственную поддержку в деле создания и укрепления монополии и осуществления ее грабительской деятельности («сахарная нормировка» и т. п.). В сахарной промышленности монопольно-высокие прибыли извлекались в немалой степени за счет полуфеодальной эксплуатации крестьян на свекловичных плантациях и часто эксплуатации их же на сахарных заводах. Недаром В. И. Ленин отмечал участие в «сахарном синдикате» «крепостников помещиков»⁴². Так в некоторых отраслях новейшие монополии теснейшим образом сплетались с полуфеодальным крупным землевладением и свойственными ему методами господства и эксплуатации.

В. И. Ленин писал, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»⁴³. Крупнейшими пережитками крепостничества было господство крупного помещичьего землевладения и распространение на этой основе в сельском хозяйстве отработочной системы, чересполосицы, мелкополосицы, трехполья и т. д. Воплощением военно-феодальных черт империализма был самый царизм, представлявший класс крепостников-помещиков, но одновременно служивший и интересам монополистов. «Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики»⁴⁴.

Военные черты империализма военно-феодального типа заключались не только в агрессивности (агрессивность является неотъемлемой чертой любого типа империализма), но и в специфических особенностях военно-империалистической организации и политики царизма. К таким особенностям следует, в частности, отнести господство в вооруженных силах страны привилегированного дворянского, кастового офицерства, использование внешней политики и военных авантур в интересах этой кастовой военщины (авантюра безобразовской шайки на Дальнем Востоке и другие), использование этой кастовой военщины в качестве полицейской силы внутри страны.

Вместе с тем, несмотря на военно-феодальные черты, для русского империализма характерно высокое развитие первых двух признаков империализма — господства монополий и образования финансового капитала и финансовой олигархии. В. И. Ленин писал о наличии в России самого отсталого землевладения и самого передового промышленного и финансового капитализма. «Передовой» характер капитализма в России заключался в высоком уровне концентрации и монополизации производства. В технико-экономическом отношении Россия являлась одной из сравнительно отсталых стран Европы.

Действие основного экономического закона монополистического капитализма проявлялось уже в эти годы в обеспечении монопольно-высоких прибылей. Вопрос о движении нормы прибыли и нор-

⁴² См. В. И. Ленин. Тетради по империализму. 1939, стр. 666.

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 246.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 111.

мы прибавочной стоимости в России в монополистической стадии капитализма требует специального рассмотрения. Здесь же следует отметить, что высокий уровень концентрации производства, подчинение законам акционерных обществ важных звеньев правительственного аппарата, фактическое осуществление сговоров о ценах и т. п. уже в рассматриваемый период обеспечивали монополистам необычайно высокие прибыли. Кризис 1900—1903 гг. не мог не привести к некоторому снижению нормы прибыли. Но прибыли самых крупных акционерных обществ, принадлежавших к привилегированной горстке, которую всячески поддерживало правительство, и в условиях кризиса оставались достаточно высокими. Это видно из данных даже такого автора, который боролся против «преувеличения тяжести кризиса». Вот нормы дивиденда, выдававшегося акционерными обществами в 1901 г., в условиях развивавшегося кризиса, по некоторым предприятиям. 9 предприятий по обработке волокнистых веществ (4% общего числа данной отрасли) выдали от 15 до 30% на основной капитал, 4 предприятия нефтяной и керосиновой промышленности (11% общего числа) выдали от 50 до 80%, 6 предприятий металлургической промышленности (13,3% общего числа) — от 15 до 30%; 4 предприятия каменноугольной промышленности (10,5% общего числа) — от 10 до 38% и т. п.⁴⁵ Здесь показаны не нормы прибыли, а дивиденды, составляющие обычно половину или даже меньшую часть прибыли. Стало быть, чтобы получить представление о нормах прибыли на основной акционерный капитал, следует по крайней мере удвоить данные цифры. Средняя норма прибыли в промышленности понизилась в годы кризиса незначительно. По исчислению академика С. Г. Струмилина, она составляла в 1899 г. 18%, в 1900 г. — 17,5%, в 1901 г. — 15,4%, в 1902 г. — 13,1%, в 1903 г. — 13,5%, в 1904 г. — 14,6%⁴⁶.

Итак, и в условиях кризиса капиталисты наживали огромные барыши за счет эксплуатации пролетариата, за счет усиления обнищания всех трудящихся.

Особенности промышленного подъема 90-х годов и торгово-промышленного кризиса 1900—1903 гг. не только придали перепроизводству огромные размеры, но и чрезвычайно затруднили его рассасывание. Даже в начале 1902 г., по истечении двух лет развития кризиса, размеры превышения предложения над спросом определялись в черной металлургии в 40%, а на ряде заводов запасы непроданного металла достигали годовых их производительности⁴⁷. В начале 1903 г. производство кокса составляло 42% производственной способности наличных предприятий, выплавка чугуна — 55%, добыча железной руды в Кривом Роге — 37%⁴⁸. Широкое развитие синдикатов и осуществление ими политики ограничения производства в целях вздувания цен превращались в фактор еще большего торможения развития производства.

Во второй половине 1903 г. совершился переход от кризиса к депрессии. В ряде отраслей наблюдалось заметное рассасывание запасов, цены несколько поднялись, наметилась тенденция к расширению производства, к хозяйственному оживлению. Однако даже буржуазная печать выражала сомнение в возможности близкого подъема, так как перепроизводство не было еще полностью изжито, а деятельность синдикатов вела к ограничению покупательной способности масс⁴⁹.

⁴⁵ Б. Ф. Брандт. Указ. соч., стр. 256—257.

⁴⁶ С. Г. Струмилин. Проблема промышленного капитала в СССР. М. 1925, стр. 12—13.

⁴⁷ «Торгово-промышленная газета», 9 и 30 января 1902 года.

⁴⁸ «Торгово-промышленная газета», 1 января 1903 года.

⁴⁹ «Промышленный мир», 1903, №№ 42—43, а также «Горнозаводский листок», 1903, № 24.

Начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война вскоре придала депрессии затяжной характер. Петербургская биржа ответила на начало войны небывалой паникой. Цены на каменный уголь в 1904 г. продолжали понижаться, на чугун и железо повысились незначительно. Военные заказы вызвали расширение производства лишь в части отраслей. Экономические связи с Сибирью, успевшей стать значительным рынком для текстильной, сахарной, керосиновой и ряда других отраслей промышленности, оказались парализованными из-за загроможденности железных дорог военными перевозками. В свою очередь, станции в Сибири были забиты сельскохозяйственными грузами, не находившими сбыта. Не менее дезорганизующее влияние на экономику оказало резкое сокращение Государственным банком кредитов банковской системе и промышленности из-за необходимости направить средства на ведение войны. Наконец, иностранный капитал, под влиянием неудач русских войск на фронтах и опасаясь революции, начал возвращать часть капиталов на родину.

Исходя из этого, едва ли можно признать правильным утверждение С. Г. Струмилина, что «протекавшая на дальневосточной окраине японская война не задержала начавшегося еще с 1903 г. оживления и подъема русской промышленности, так как военные заказы в ряде отраслей лишь содействовали этому подъему»⁵⁰. Материал, который он сам приводит в своей содержательной статье, отнюдь не подтверждает благотворного влияния войны на движение промышленного производства в целом. Продукция тяжелой промышленности увеличилась в 1904 г. до 1 099 млн. руб. против 970 в 1903 г., а легкой — с 1 421 млн. руб. до 1 521 млн. рублей. Такой незначительный в условиях войны рост не может свидетельствовать о промышленном подъеме в России накануне революции 1905—1907 годов. Учитывая большой рост специфически военного производства, надо признать, что эти данные скрывают снижение производства для гражданских потребностей. Показательно, например, что в сахарной промышленности, где в 1903 г. наблюдался заметный рост производства, в 1904 г. оно снова снизилось (несмотря на хороший урожай в 1904 г., что должно было повысить покупательную способность крестьян). Незначительно увеличилось производство в хлопчатобумажной промышленности. Да и в тяжелой промышленности, несмотря на войну, в ряде отраслей (железодобывающая и сталелитейная, нефтяная и др.) рост производства в 1904 г. был настолько ограниченным, что уровень его продолжал значительно отставать от предкризисного. Лишь в отдельных отраслях тяжелой промышленности (каменноугольной, чугунолитейной и некоторых других), более тесно связанных с военными нуждами, уровень производства превысил предкризисный. Таким образом, война содействовала кратковременному оживлению в некоторых отраслях тяжелой промышленности, оказав, однако, дезорганизующее влияние на экономику страны в целом. О неблагоприятном влиянии войны в 1904 г. на ряд отраслей промышленности вынужден был писать во «всеподданнейшем» докладе и министр финансов⁵¹.

Россия, пережившая тяжелый и длительный кризис, попала в тиски депрессии и войны. Ход промышленного развития России в начале XX в. ускорил назревание революции 1905—1907 годов. Наличие в стране значительных пережитков крепостничества и сосредоточение политической власти в руках помещиков делали непосредственной задачей пролетариата осуществление, в союзе с крестьянством, буржуазно-демократической революции. Но осуществление такой революции могло уже и должно было явиться основой для ее перерастания в революцию социалистическую.

⁵⁰ С. Г. Струмилин. Промышленные кризисы в России (1873—1907 гг.) «Проблемы экономики», 1940, № 2, стр. 132.

⁵¹ «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1905 год», стр. 30—36.